Черниговъ 80 лѣтъ [1]) тому назадъ.

(Замѣтки старожила).

Воспоминанія дней дѣтства нерѣдко освѣжаютъ колоритъ давноминувшаго до мелочныхъ подробностей, смотря потому, какой предметъ тронетъ нервъ съ нарѣзкою впечатлѣнія.

Кажется, будто бы недавно (80 лѣтъ) я началъ помнить Черниговъ, въ которомъ тогда только было двѣ улицы, удобныя для свободнаго проѣзда двухъ повстрѣчавшихся экипажей: улица Александровская и Гончая. Остальные переулки уподоблялись своими извилинами своенравному теченію ручьевъ, зависся совершенно выступами и уступами отъ произвола хозяевъ, которыхъ мѣста прилегали къ этимъ жиламъ внутренняго сообщенія. Правда, стояли уже вехи, означающіе предназначенное планированіе города, но это ни сколько не мѣшало Чернигову дымиться изъ подъ навѣсовъ соло-

---

[1]) Настоящія интересныя замѣтки перепечатаны изъ „Черниг. Губ. Вѣд.“ 1851 г., № 1, гдѣ они названы—„Черниговъ за 45 лѣтъ“.

менныхъ крышъ, покрывавшихъ почти три четверти города. Нѣкоторые мѣщане старожилы, глядя на вехи, грозящія или сноскою домовъ, или разрѣзомъ дворовъ ихъ, признавали въ этомъ одно своеволіе и личность землемѣра. Во многихъ мѣстахъ еще стояли полуразвалины потухшихъ винокурень, осѣненныя густыми рощами спасовскихъ грушъ и бергамотовъ.

Всѣ форштаты тогдашняго города представляли дичь и глушь.

Московская слобода (составляющая нынѣ кварталъ города внизу противъ церкви св Екатерины), тогда исключительно была заселена нижними воинскими чинами по близости къ крѣпости и жилищу коменданта. Слобода Лѣсковица, смежная съ нею, простиралась, низомъ, до церкви св. Иліи и была заселена торговками, хлѣбницами, булочницами, бубличницами, рыболовами, штатными служителями Елецкаго монастыря и разными мастеровыми людьми, принадлежащими къ сословію мѣщанъ. Лѣсковица тянулась у подножія Болдынскихъ горъ и названіе свое получила отъ густыхъ орѣшниковъ, на срубѣ которыхъ поселились жители. Орѣховый кустъ по малороссійски называется дерево лѣсковое.

Слобода Ковалёвка, составляющая нынѣ сѣверный крайній кварталъ Чернигова, тогда была заселена сплошь одними кузнецами.

Волчья слободка (нынѣ небольшой кварталъ у кіевской заставы) тогда была совершенно отдѣльный отъ города хуторъ, обитаемый нищими и всякою сволочью.

Тогдашніе мѣщанки черниговскія, жившія по этимъ слободамъ, славились бойкостью и языкатостью: при появленіи на слободѣ квартальнаго надзирателя, если это нашествіе сопровождалось хотя малѣйшимъ нарушеніемъ или измѣненіемъ чего нибудь, угоднаго мѣщанскимъ привычкамъ и обычаямъ, высыпала на улицу толпа бабъ въ синихъ бумажныхъ колпакахъ, съ засученными рукавами, въ зеленыхъ байковыхъ исподницахъ съ черными мушками. При спорѣ одной съ квартальнымъ надзирателемъ, другія сосѣдки сначала вслушивались въ сущность рѣчи, а потомъ уже, понявъ, въ чемъ дѣло, поднимали такой гамъ, сопровождаемый маханіемъ рукъ, сверканіемъ очей и непобѣдимостью позъ, что господинъ квартальный, признавая невозможнымъ одержать побѣду, обращался вспять для подкрѣпленія себя сикурсомъ десятскихъ, которые и брали главную зачинщицу въ часть, откуда она освобождалась по ходатайству мужа, приходившаго хлопотать за свою храбрую половину, имѣя за пазу-

хою нѣкоторое возвышеніе, котораго на обратномъ пути уже не замѣчалось.

По темнымъ нереулкамъ черниговскимъ весною и осенью грязь бывала знаменитая. Чонорныя мѣщанки, идя въ праздникъ къ обѣднѣ, поднимали синіе китайчатые шушуны; за то уже доставалось черевикамъ (башмакамъ) и синимъ шерстянымъ панчохамъ (чулкамъ) съ красными полосками.

Въ то время въ Черниговѣ весьма было мало большихъ экипажей и именно каретъ. Случалось, во время пріѣзда въ Черниговъ незабвеннаго благодѣтельнаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Борисовича Куракина, супруга его дѣлаетъ визиты и тогда, при появленіи въ переулкѣ кареты съ двумя форейторами, поднималась такая суматоха, описаніе которой теперь не почтутъ за правду. Впереди, бывало, скачетъ верхомъ частный приставъ, за нимъ на дрожкахъ полицiймейстеръ, Карлъ Борисовичъ Саксъ, маленькой человѣчекъ съ большими голубыми глазами, въ рыжемъ парикѣ. Встрѣчаются возы съ сѣномъ, съ хлѣбными коннами, которыя жители города ввозили, имѣя, многіе изъ нихъ, при домахъ своихъ всѣ заведенія, присвоенныя сельскимъ усадьбамъ. Были мелкопомѣстные дворяне, которые жили въ Черниговѣ со всѣми своими крестьянами. Вселенія этихъ подгородниxъ владѣльцевъ, конечно, надобно отнести къ старымъ годамъ и именно къ тому времени, когда разношерстые враги часто осаждали Черниговъ и при сопротивленіи его становилось жарко окружнымъ селамъ и хуторамъ, изъ которыхъ жители и выбирались въ городъ, гдѣ была и крѣпость, и защита.

Возвращаюсь къ каретѣ княгини: пока успѣютъ уладить проѣздъ, она благосклонно и привѣтливо разговариваетъ съ простолюдинами, нисколько не гнѣваясь за остановку. Во время непродолжительнаго присѣста княгини въ домѣ, удостоенномъ ею посѣщенія, толпа народа соберется вокругъ кареты и, снявъ шапки, дивится богатому экипажу съ двумя вершниками. Княгиня входитъ въ карету и народъ кланяется супругѣ всѣми искренно любимаго вельможи.

Наступаетъ зима и мятели занесутъ бывало переулки выше плетней сугробами, разныхъ фантастическихъ формъ.

Вскроется весна и пойдутъ себѣ течь по Чернигову рѣчки и рѣки, избирая каждая свое прошлогоднее русло, т. е. переулокъ. Дѣти ставятъ на этихъ протокахъ мельнички, пока проѣздъ первой

телѣги не переломаетъ дѣтской забавы. Когда сбѣжитъ вода, оказываются ямы, провалья, канавы, которыя дѣятельная воля Сакса тотчасъ приказываетъ жителямъ завалить чѣмъ попало. Въ эти промоины, смотря по глубинѣ ихъ и вмѣстимости, бывало, улегаются разныя домашнія животныя, окончившія курсъ жизни, и весь навозъ, который лѣнь было вывозить на поля.

Назадъ тому 80 лѣтъ — время конечно неблизкое — а Карлъ Борисовичъ Саксъ удивлялъ тогда всѣхъ своимъ молодечествомъ въ полицейскомъ отношеніи: зналъ онъ лично каждаго мѣщанина, его семью и домашній бытъ. Зналъ на перечетъ всѣхъ плутовъ и воровъ и уже кто ему попадался, то не давалъ пардону.

Одна дама на балѣ у князя шепнула Саксу, что у нея, при входѣ въ переднюю, сдернули собольи хвосты. Карлъ Борисовичъ вышелъ въ переднюю и началъ водить большими глазами по лицамъ лакеевъ, которые смертельно боялись его. „Слышишь, кто изъ васъ недавно ѣздилъ или ходилъ домой и опять возвратился сюда?“ Удачно указали на одного, и именно на такого, который былъ по плутнямъ на дурномъ счету у полиціймейстера. „Ты отвезъ домой собольи хвосты!—заревѣлъ Саксъ: драгунъ! веди его домой, пусть принесетъ украденное; я ожидаю!“ Виновный поблѣднѣлъ и отправился съ драгуномъ, а чрезъ четверть часа воръ самъ положилъ хвосты въ треугольную шляпу полиціймейстера. „Дать ему сотню!“... крикнулъ Карлъ Борисовичъ... То пошло своимъ порядкомъ, а Саксъ, подойдя къ дамѣ, и, поднося граціозно шляпу, сказалъ: „ваши хвостики“.

Вотъ какой былъ Карлъ Борисовичъ! Жители любили его потому, что онъ былъ честенъ, доступенъ, справедливъ и строгъ. Любилъ онъ играть въ бостонъ и курить фарфоровую трубку съ резервуаромъ, вмѣщавшимъ въ себѣ добрую ложку табачной тинктуры. Домъ, гдѣ жилъ Саксъ, о сю пору еще существуетъ надъ оврагомъ, противъ воротъ Елецкаго монастыря. Почивайте, гдѣ вы легли, добрый Карлъ Борисовичъ, и да утѣшится душа ваша доброю памятью, которую сохранили знавшіе васъ.

Припоминая экипажи тѣхъ временъ, я вспомнилъ бричку губернскаго казначея. Никакъ не пойму и теперь—почему онъ носилъ польскій костюмъ, саблю и подбривалъ голову. Бричку его тогда почитали за экипажъ аристократическій, но какъ вспомнимъ теперь его форму, то это было нѣчто въ родѣ хлѣбнаго закрома на колесахъ и съ такимъ еще достоинствомъ, что на ходу, какъ гусли-

самоигры, она издавала разнотонные звуки. Ѣздили по городу дрожки, въ родѣ нынѣшняго S, только съ четырехъ-угольными мѣстами, на рессорахъ съ блоками, посредствомъ которыхъ поднимали кузовъ вслучаѣ пониженія. Были коляски многоугольныя: лимоннаго, померанцоваго, ярко-краснаго и свѣтло-зеленаго цвѣта. Бѣгали по городу дрожки: четыре неокованныя колеса съ доскою, покрытою килимомъ (ковромъ). Экипажъ не хитрый, но въ ту пору, какъ это казалось роскошно и удобно, несмотря на то, что ноги ѣдущаго бокомъ висѣли, и грязь, падающая съ колесъ, оклеивала сапоги и платье, которое тогда у такихъ ѣхавшихъ господъ бывало гороховаго, голубаго, свѣтлозеленаго, свѣтлолиловаго и, нерѣдко, ярко-краснаго цвѣта.

Хотя втеченіе этихъ восьмидесяти лѣтъ Черниговъ не сдѣлалъ гигантскаго шага къ улучшенію своей наружности; но, все таки, не зная старины, трудно теперь отыскать мѣста, на которыхъ тянулись первообразы переулковъ заселенныхъ тогда потомками древнихъ черниговцевъ, которые разселялись по улицамъ цѣлыми фамиліями. Зять селился обо—дворъ съ тестемъ; женатые сыновья отдѣлялись ниже, и такъ далѣе. Самая кипучая и населенная часть города, близь стараго базара и Пятницкой церкви, была изрѣзана переулками, гдѣ жили, старѣлись и оживали въ потомствѣ поколѣнія: Лопатъ, Грищенковъ, Лежней, Крутеней, Левошекъ, Калинскихъ, Колядинскихъ, Равичей, Орловъ, Довбишей, Зезюль, Калитокъ, Грибовъ, Пѣрниковъ, Перцовъ, Колбасъ и другихъ. Всѣ эти господа были ни болѣе, ни менѣе, какъ потомки тѣхъ черниговцевъ, которые въ старину рѣзались, кусались и щипались въ рукопашныхъ бояхъ съ печенѣгами, половцами, татарами и иною скверною гусеницею, нападавшею на Черниговъ, ради жажды крови и отъ нечего дѣлать. Много вражескихъ головъ смерть покосила въ стѣнахъ Чернигова, но все ему оттого не было легче: не успѣвали отбиться отъ одной стаи этихъ собакъ, какъ набѣгаетъ другая—и опять рѣзня.

При взглядѣ на нынѣшній Черниговъ, далеко отставшій наружностью отъ другихъ губернскихъ городовъ, слѣдуетъ воздержаться отъ произнесенія ему всякаго незаслуженнаго упрека: въ старину, какъ вѣдомо всякому, Чернигову было не до лѣпоты. Стоя какъ разъ на перепутьи враждебныхъ певеходовъ, его то разоряли, то жгли, и жители помышляли не о постройкахъ, а о цѣлости головъ. Въ позднѣйшее время язва выгубила народонаселеніе, а наконецъ, пожаръ, бывшій при гетманствѣ Скоропадскаго, обратилъ

Черниговъ въ одно сплошное пепелище. Если бы Скоропадскому не присовѣтовали приказать любецкимъ мѣщанамъ доставить въ Черниговъ, въ видѣ пособія, строеваго лѣсу, то жителямъ долго бы пришлось жить въ шалашахъ.

Мѣстное положеніе Чернигова при судоходной рѣкѣ Деснѣ, конечно, хотя и представляетъ удобство къ торговлѣ, но изъ Чернигова ни вверхъ по рѣкѣ, ни внизъ отправлять нечего и потому внѣшней торговли нѣтъ. Отъ соединенія почтовыхъ трактовъ городу также нѣтъ никакой пользы.

Ярмарки Евстафіевская и Крещенская, совпадая сроками съ ярмарками, бывающими въ другихъ городахъ, устраняютъ пріѣздъ сюда иногороднаго знатнаго купеческаго сословія, которому забиваться въ Черниговъ для малой торговли, имѣя въ виду обширную — не рука. О Десятой Пятницѣ бываетъ въ Черниговѣ порядочная хозяйская ярмарка, на которой окружные поселяне сбываютъ свои продукты и лишній скотъ. Эта же ярмарка снабжаетъ Черниговъ годовою пропорціею соленой рыбы, доставляемой поселянами харьковской и екатеринославской губерній.

Возвращаюсь къ прежнимъ днямъ Чернигова, о которыхъ я началъ и продолжаю рѣчь. Именно въ ту эпоху времени, которой я общимъ очеркомъ, слегка коснулся описаніемъ, остались мнѣ въ памяти вечера лѣтнихъ субботнихъ дней. Вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца, бывало, ходитъ по дворамъ человѣкъ 15 семинаристовъ 18, 8 и 7-ми лѣтняго возраста. Ихъ называли бурсаками. Ходили они въ синихъ пестрядиныхъ халатахъ и сюртукахъ такой длины, что закрывали босоножіе. Ставъ въ кружокъ посреди двора, они бывало поютъ согласнымъ хоромъ:

Боже! зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни и т. д.

По окончаніи жалобнаго канта, изъ средины этой толпы вырывается рѣзкій дрожащій дѣтскій голосокъ: „Борщику!“ Изобильно надѣляемые хозяевами, пѣвцы удалялись съ низкими поклонами. Даже и теперь не берусь я рѣшить вопроса: существенный ли недостатокъ въ пищѣ, или прихоть, необузданная сознаніемъ стыда, была поводомъ къ субботнимъ хожденіямъ, которыя, впрочемъ, дѣлались украдкою; — если же псаломники попадались на глаза своимъ прецепторамъ, то, говорятъ, бывало не ладно... Припоминая опять измятую и изорванную ихъ одежду, блѣдность и худобу, кажется не подлежатъ порицанію ходившіе по дворамъ, для выпѣванія пищи.

Странно, какъ слухи о субботнихъ пѣвцахъ не доходили до высшаго духовнаго начальства... Но, оставимъ это, и взглянемъ-те на другое отдѣленіе учащихся, на отдѣленіе дѣтей разныхъ сословій обоего пола гражданскаго вѣдомства. Вся эта смѣсь училась въ народномъ училищѣ. Пестрота одеждъ, неопрятность, непорядочность и въ массѣ, и отдѣльно производила самое непріятное впечатлѣніе.

Первое замерзаніе рѣки Стрижня и первое паданіе снѣга, всегда ознаменовывалось сраженіями, происходившими между семинаристами и учениками народнаго училища, питавшими безсознательную, непримиримую вражду. По первому льду, бывало, вечеркомъ, подкатываются подъ стѣны семинаріи, сначала зачинщики изъ учениковъ народнаго училища, стараясь вызвать семинаристовъ; завязывалась частная стычка, которую, подоспѣвшіе къ обѣимъ сторонамъ сикурсы, обращали въ кулачный бой до такого остервенѣнія, что если бы духовное начальство, узнавъ о баталіи, не розогнало ратоборцевъ, то это легко могло окончиться кончиною котораго нибудь...

Съ первымъ паденіемъ снѣга, возобновлялась драка въ снѣжки, въ средину которыхъ иные любители безразсудства вкладывали камушки, и, въ кого попадала такая снѣжная граната, тотъ получалъ надолго отвращеніе отъ храбрости...

Повторю еще, что масса народнаго училища была отвратительно неопрятна: нагольной тулубъ, байковая шинель, разорванная сермяга, пестрядинный сюртукъ, грязная, китайчатая кофточка на дѣвочкѣ въ изорванныхъ чулкахъ и башмакахъ, лицо и руки, растушованныя черниломъ, а потомъ, при выходѣ изъ класса, дикій гамъ, брани и драка на улицѣ—вотъ вамъ вѣрный очеркъ общей массы народнаго училища того времени. Помня давно минувшее, посмотришь, сравнительно, на нынѣшнія семинарію и уѣздное училище: семинарія—школа ученая, приготовляющая юношество для цѣли высокой служенія Олтарю Вседержителя, нынѣ образуетъ благонравную дружину, руководимую современно-образованными наставниками, несущими свой тяжкій трудъ сознательно съ памятованіемъ отвѣта передъ Господомъ за опущеніе долга. Новое поколѣніе духовенства, преобладая свѣтлыми качествами, составляетъ святую, правдивую и безмолвную похвалу источнику—изъ него же истекли іереи Бога Вышняго.

Перекинувъ взглядъ на нынѣшнее уѣздное училище (правнука описаннаго мною выше), вы видите въ этомъ разносословномъ сборѣ дѣтей одинъ благовидный строй: форменность одежды, опрятность, свѣтлыя личики дѣтей, сіяющія благонравіемъ, все говоритъ вамъ, что наставники знаютъ и любятъ свое дѣло—имъ же честь и похвала...

А. Л.